Самсон Гелхвидзе

В ОБЪЯТИЯХ ВЕЧНОСТИ

роман

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

В ОБЪЯТИЯХ ВЕЧНОСТИ – (РОМАН)

«Автор»

2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

В ОБЪЯТИЯХ ВЕЧНОСТИ – (РОМАН) / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

Роман «В объятиях вечности» — это художественное повествование о жизни и духовном становлении выдающегося грузинского поэта Важа-Пшавела, человека, чьё творчество стало неотъемлемой частью национальной культуры Грузии.Автор обращается не только к биографии великого поэта, но и к внутреннему миру человека, который сумел сохранить верность своим нравственным убеждениям, несмотря на одиночество, жизненные испытания и противоречия окружающей эпохи.В центре произведения — судьба личности, для которой честь, совесть, человеческое достоинство и любовь к родной земле оказались важнее житейского благополучия. Горный мир Пшави в романе становится не просто местом действия, а особым духовным пространством, формирующим характер героя и определяющим его мировоззрение.«В объятиях вечности» — роман о человеке, который принадлежит своему времени, но благодаря силе духа и творческого наследия становится частью вечности.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
В ОБЪЯТИЯХ ВЕЧНОСТИ – (РОМАН)

В ОБЪЯТИЯХ ВЕЧНОСТИ – (РОМАН)

Пролог.

Там, где горы разговаривают с человеком

В Пшави человек с детства привыкает смотреть вверх. Здесь горы не просто окружают селения, не только заслоняют горизонт и определяют дорогу, по которой приходится идти из одного аула в другой. Они присутствуют в самой жизни горцев, в их привычках, преданиях, песнях и даже в молчании. Их суровые склоны принимают на себя первые лучи солнца, а к вечеру, когда ущелья наполняются синеватой тенью, кажется, будто вершины медленно погружаются в глубокие думы, недоступные человеку.

Река Арагви несёт свои воды среди камней, шумит на перекатах и вдруг становится тише там, где ущелье расширяется и уступает место небольшим долинам. По склонам разбросаны дома, сложенные из камня и дерева. Над крышами поднимается дым очагов, по узким тропам движутся люди и животные, а ветер приносит запах влажной земли, травы и дыма. Жизнь здесь никогда не была лёгкой. Зима могла надолго отрезать селение от внешнего мира, весенние потоки смывали мостки, а дорога через горы порой требовала от человека не столько силы, сколько терпения и мужества.

Но у этих мест была своя красота, не нуждавшаяся в похвале. Её нельзя было измерить богатством домов или удобством дорог. Она заключалась в строгом достоинстве людей, в их привязанности к родной земле, в памяти о предках, в уважении к слову и в той особой свободе, которую горец ощущал, оставаясь наедине с вершинами.

В одном из таких селений, среди гор Пшави, находился Чаргали. Небольшой мир, где новости переходили из дома в дом быстрее, чем путник успевал подняться по тропе, где знали историю каждой семьи и где старые рассказы не исчезали вместе с теми, кто их впервые произнёс. Здесь прошлое не лежало в книгах, отделённое от настоящего несколькими столетиями. Оно продолжало жить в голосах стариков, в семейных преданиях, в обычаях и в песнях, которые люди помнили с детства.

Именно в этом мире появился человек, которому предстояло однажды услышать в шуме гор не только голос родины, но и вопросы, обращённые ко всему человечеству.

Он не родился знаменитым. В его детстве не было ничего, что заранее обещало бы будущую славу. Он рос среди обычных забот горной семьи, видел тяжёлый труд взрослых, слушал разговоры у очага, наблюдал за сменой времён года и постепенно узнавал ту жизнь, которая позднее станет главным источником его поэзии. Никто не мог тогда предположить, что мальчик из Чаргали сумеет выразить в стихах не только характер своего народа, но и глубокие противоречия человеческой души.

Его звали Лука Разикашвили.

Много лет спустя Грузия узнает его под именем Важа-Пшавела. Его произведения будут читать люди, никогда не бывавшие в Пшави, а герои его поэм станут спорить с совестью, традицией и самим временем. В его строках заговорят горы, леса и реки, но за этим голосом природы всегда будет слышен голос человека — гордого, свободолюбивого, способного на сострадание и готового остаться в одиночестве, если этого потребует правда.

Однако до всего этого была жизнь, ещё не знавшая ни литературных наград, ни признания, ни горьких разочарований. Были родительский дом, горные тропы, первые впечатления и первые вопросы, на которые мальчик не всегда находил ответы. Был мир, в котором добро и жестокость могли соседствовать, а старинный обычай порой оказывался сильнее человеческого милосердия.

Чтобы понять поэта, необходимо вернуться туда, где начиналась его жизнь. Не к памятникам и не к страницам учебников, а в маленькое горное селение, к дому, в котором звучали голоса его родителей, где за вечерней трапезой рассказывали старые истории и где за окном начинались склоны, уходившие к самым облакам.

Там, среди гор, начиналась судьба человека, которому предстояло доказать, что подлинное величие не всегда измеряется властью, богатством или признанием современников. Иногда оно заключается в способности услышать чужую боль, не предать собственную совесть и сохранить любовь к людям даже тогда, когда они не понимают тебя.

И пока над Чаргали поднималось солнце, маленький Лука ещё не знал, что однажды его имя станет частью вечности.

Глава 1. Рождение среди гор

В Чаргали лето приходило не сразу. Даже когда в долинах уже зеленели сады и воздух наполнялся запахом нагретой земли, на дальних вершинах ещё белели снежные пятна, словно зима не желала окончательно уступать свои владения. Утром над ущельями поднимался лёгкий туман, цеплялся за лесистые склоны, а затем рассеивался под лучами солнца, открывая привычную картину: каменные дома, узкие тропы, пастбища и горы, казавшиеся отсюда неподвижными стражами человеческой жизни.

Дом Разикашвили не выделялся среди других жилищ селения ни размерами, ни богатством убранства. Как и в большинстве пшавских семей, здесь умели ценить не внешнее великолепие, а надёжность крова, достаток в хозяйстве и согласие между близкими. В доме жили трудом, и каждый знал свои обязанности. Мужчины занимались хозяйством и делами общины, женщины вели домашний быт, заботились о детях, готовили пищу, пряли и ткали. Вечерами, когда дневные заботы оставались позади, семья собиралась у очага, и тогда начиналось другое время — время разговоров, воспоминаний и рассказов.

Главой семьи был Павле Разикашвили, человек религиозный, сдержанный и требовательный к себе и окружающим. Он служил при церкви, знал церковные книги и был связан с духовной жизнью своего края. Его уважали не за громкие слова, а за обстоятельность, серьёзность и привычку отвечать за сказанное. Павле не принадлежал к людям, которые охотно делятся переживаниями. Он предпочитал сначала обдумать услышанное, а уже потом высказывать своё мнение. В его понимании человек должен был жить честно, трудиться и не забывать, что за каждый поступок рано или поздно приходится отвечать.

Барбара, которую в семье и среди близких называли Гулкан, была совсем иной по характеру. В ней было больше душевной мягкости, живости и той естественной поэтической восприимчивости, которая не нуждается в книжном образовании. Она хорошо знала народные песни, помнила старинные предания и умела рассказывать так, что даже знакомая история приобретала новое звучание. Иногда она начинала напевать во время работы, и её голос, негромкий, но чистый, разносился по дому, смешиваясь с потрескиванием дров в очаге.

Павле мог остановиться и прислушаться, хотя редко показывал, насколько ему нравилось пение жены.

— Опять вспомнила старую песню? — спрашивал он, откладывая книгу.

— А разве у старых песен бывает конец? — отвечала Гулкан. — Пока человек помнит их, они продолжаются.

— Значит, ты собираешься помнить их до самой старости?

— Если Бог даст, то и дольше. Только кто-нибудь должен будет их слушать.

Павле улыбался, но ничего не отвечал. Он знал, что жена говорит не только о песнях. Для неё память была способом удержать то, что нельзя было сохранить ни в сундуке, ни на полке, ни в церковной книге.

Их дом был частью большого мира, который существовал задолго до рождения Луки. Здесь помнили предков, знали родственные связи, рассказывали о людях, чьи поступки стано-

вились примером для потомков. Детям с ранних лет объясняли, что честь семьи нельзя отделить от личной чести, что слово имеет цену, а гостя следует принять с уважением, даже если в доме немного еды. Но в этих представлениях, как и во всей жизни горного края, были не только светлые стороны. Старинные обычаи могли требовать от человека суровых решений, а верность традиции иногда вступала в противоречие с милосердием. Впоследствии именно этот болезненный разлад станет одной из важнейших тем творчества Важа-Пшавела, но в родительском доме он пока воспринимался как естественная часть окружающего мира.

В семье росли дети, и каждый новый день приносил свои заботы. Появление ещё одного ребёнка не могло изменить привычного уклада, однако для родителей оно всегда было событием особенным. В семье Павле и Барбары родился мальчик, которому дали имя Лука.

О его первых днях не сохранилось подробного рассказа, и было бы неправильно придумывать обстоятельства родов, точные слова родителей или сцены, которых никто не записал. Но можно представить, как в доме, где привыкли встречать радость без лишней суеты, появление младенца стало поводом для благодарности Богу. Женщины приходили поздравить Барбару, кто-то приносил нехитрый подарок, кто-то желал ребёнку крепкого здоровья и долгой жизни. Мужчины говорили о том, каким он вырастет, хотя никто, разумеется, не мог знать его будущего.

Павле, вероятно, смотрел на сына с той серьёзностью, с какой относился ко всякому новому обязательству. Теперь ему предстояло не только кормить и растить ребёнка, но и передать ему то, что сам считал главным: веру, уважение к труду, достоинство и ответственность перед людьми. Гулкан же, как всякая мать, видела в младенце прежде всего продолжение собственной жизни и надежду на то, что в будущем ему будет легче, чем тем, кто вырос в суровых условиях гор.

Она не могла знать, какие дороги ждут Луку. Ей было достаточно того, что сын лежал рядом, дышал во сне и иногда беспокойно шевелил маленькими руками, словно уже пытался ухватиться за невидимый ему мир.

За пределами дома продолжалась обычная жизнь Чаргали. Мужчины уходили по хозяйственным делам, женщины занимались домашними заботами, дети бегали по тропам, а над селением менялись облака. Горы не делали исключений для новорождённых: они оставались такими же суровыми, такими же прекрасными и равнодушными к человеческим надеждам. Но для маленького Луки всё это постепенно должно было стать родным — не потому, что он сумел бы сразу понять величие окружающего мира, а потому, что именно среди этих склонов ему предстояло научиться видеть, слышать и чувствовать.

Время шло, ребёнок рос, и дом Разикашвили наполнялся его голосом. Сначала это были бессвязные звуки, потом первые слова, вопросы, просьбы и детский смех. Родители замечали его характер, радовались успехам, иногда сердились на непослушание. Никакого особенного пророчества в его детстве не было. Лука был ребёнком своей семьи и своего селения, а не заранее приготовленным памятником будущей славы.

И всё же в нём постепенно обнаруживалась особая внимательность. Он мог надолго задержаться возле окна, наблюдая за дождём, прислушиваться к разговору взрослых или просить мать повторить рассказ, который уже слышал прежде. Когда Гулкан пела, мальчик иногда переставал играть и слушал, словно пытался уловить не только мелодию, но и скрывавшуюся в ней историю.

Однажды, когда за окном шумел ветер, а в очаге потрескивали поленья, Лука попросил мать рассказать ему одну из старых историй.

— Ты ведь вчера её слушал, — заметила Гулкан.

— А сегодня хочу ещё раз.

— Но ты уже знаешь, что там случится.

— Знаю, — ответил мальчик. — Только расскажи, как в первый раз.

Мать посмотрела на него и улыбнулась. Она не стала спрашивать, зачем ему повторение. В её собственном детстве любимые истории тоже никогда не надоедали: каждый раз в них открывалось что-то новое, хотя слова оставались прежними.

Павле, сидевший неподалёку, поднял глаза от книги.

— Если слушаешь историю, слушай внимательно, — сказал он сыну. — В ней бывает не только то, что произносят вслух.

Лука повернулся к отцу, но не ответил. Он ещё не вполне понимал смысл этих слов, однако запомнил их интонацию, спокойную и строгую.

Так в его жизни постепенно соединялись два мира: отцовский, в котором важное следовало обдумывать и проверять, и материнский, где прошлое продолжало жить в песнях, сказаниях и человеческих воспоминаниях. Ни один из них не противоречил другому. Напротив, вместе они создавали ту духовную почву, на которой впоследствии сформировался необыкновенный поэт.

Но пока Лука оставался мальчиком из Чаргали. Его ждали долгие годы детства, первые открытия, встречи с людьми и первые столкновения с теми противоречиями, которые невозможно разрешить одним только послушанием или следованием старым правилам.

А над домом Разикашвили по-прежнему стояли горы. Они видели, как сменяются поколения, как уходят одни люди и приходят другие, как исчезают старые дома и возникают новые. И никто в селении ещё не знал, что однажды голос мальчика, родившегося среди этих вершин, будет звучать далеко за пределами его родины.

Глава 2. Дом, в котором жили легенды

В доме Павле Разикашвили редко бывало совершенно тихо. Даже в те часы, когда никто не разговаривал, жизнь продолжалась в негромких звуках: потрескивали дрова в очаге, поскрипывала дверь, ветер касался ставен, а за стенами доносился шум горной реки. Иногда возвращавшийся с дороги путник приносил с собой новости из соседнего селения, и тогда вечер затягивался далеко за полночь. Мужчины обсуждали хозяйственные дела, вспоминали недавние события, спорили о поступках знакомых людей, а женщины, продолжая работу, слушали и время от времени вмешивались в разговор.

Лука с раннего детства привык к тому, что взрослые не всегда объясняют детям смысл своих бесед. Они могли говорить о давней ссоре, о чьей-то храбрости, о нарушенном обещании или о человеке, которого уже много лет не было в живых, и при этом произносить его имя так, словно он только что вышел за дверь. Для мальчика эти разговоры постепенно превращались в своеобразную карту родного края. За каждым именем стояла история, за каждой историей — человеческий поступок, а за поступком нередко скрывалась загадка, которую взрослые не спешили разъяснять.

Особенно любил Лука вечера, когда мать освобождалась от домашних забот и садилась у очага. Гулкан не всегда рассказывала одну и ту же историю одинаково. Она могла изменить интонацию, задержаться на каком-нибудь подробном описании, вспомнить песню, которую слышала от своей матери, или добавить к знакомому преданию случай из жизни человека, встреченного много лет назад. Благодаря этому даже самые старые сказания не казались мальчику чем-то далёким и неподвижным.

— Мама, а тот человек действительно жил? — спрашивал он, когда рассказ подходил к концу.

— А ты как думаешь?

— Если о нём столько помнят, значит, жил.

— Иногда люди живут в памяти дольше, чем в собственном доме, — отвечала Гулкан. — Только память должна быть честной. Нельзя приписывать человеку то, чего он не совершал.

Лука задумывался над её словами, хотя тогда ещё не мог до конца понять их значение. Ему нравилось, что мать не запрещает сомневаться и не требует принимать каждое услышан-

ное без вопросов. Она словно оставляла ему право самому искать ответ, а затем возвращаться к рассказу, чтобы услышать в нём что-то новое.

Павле относился к преданиям иначе. Он уважал народную память, но не смешивал её с церковным учением и не считал всякий старинный рассказ безусловной истиной. Когда разговор заходил о вере, его голос становился особенно серьёзным. Он мог долго объяснять сыну, почему человеку необходимо следить не только за своими поступками, но и за тем, что происходит в его душе.

Однажды Лука спросил отца, почему люди иногда делают то, что сами считают неправильным.

Павле отложил книгу и посмотрел на сына.

— Потому что не всякий человек умеет противостоять другим людям.

— Даже если знает, что они неправы?

— Особенно тогда, когда знает. Одно дело — увидеть неправду, другое — решиться сказать о ней вслух.

— А если все вокруг говорят, что так надо?

Отец некоторое время молчал, словно хотел подобрать слова, которые не превратят ответ в пустое наставление.

— Тогда человеку тем более следует подумать самому. Но не торопись считать себя умнее всех только потому, что однажды с кем-нибудь не согласился. И своя правда требует проверки.

Лука опустил глаза. Ему хотелось задать ещё один вопрос, но он не знал, как сформулировать его так, чтобы отец понял. В детском сознании уже возникало смутное ощущение: между тем, чему учат взрослые, и тем, что они делают, не всегда существует полное согласие.

Впрочем, дом Разикашвили не был местом непрерывных нравоучений. Здесь смеялись, шутили, спорили из-за пустяков и радовались простым вещам. Гулкан умела разрядить напряжение одним замечанием, а Павле, несмотря на свою строгость, не был лишён добродушия. Иногда, когда сын слишком увлекался вопросами, отец делал вид, что уже устал от его любознательности.

— Лука, если ты будешь спрашивать обо всём на свете, мне придётся прожить ещё одну жизнь, чтобы ответить тебе.

— А ты не знаешь всего на свете? — совершенно серьёзно уточнял мальчик.

— Если бы знал, давно бы перестал читать книги.

Мать смеялась, а Лука, не вполне понимая шутку, тоже начинал смеяться. Такие минуты оставались в доме незаметными сокровищами, хотя никто не думал о них как о чём-то особенном.

Среди людей, приходивших к Разикашвили, встречались разные характеры. Одни были разговорчивы и любили рассказывать о дальних дорогах, другие предпочитали сидеть молча, пока их не спрашивали. Некоторые знали множество старинных песен, другие помнили родословные и могли часами перечислять имена предков. Для Луки каждый такой гость становился новым источником впечатлений. Он замечал, как меняется лицо человека, когда тот вспоминает молодость, как суровый голос смягчается при упоминании матери или как глаза старого горца вдруг оживляются, когда речь заходит о давнем испытании.

Однажды вечером в доме задержался пожилой путник. Он пришёл затемно, уставший после дороги, и Павле пригласил его к очагу. Гостю подали еду, дали возможность согреться, а после ужина разговор незаметно перешёл к событиям прошлого. Лука устроился неподалёку, стараясь не мешать взрослым.

Путник рассказывал о человеке, который когда-то прославился смелостью, но в конце жизни остался почти один. Одни считали его гордым, другие — несговорчивым, третьи говорили, что он просто не умел поступаться собственным достоинством.

— Значит, он был прав? — не выдержал Лука.

Путник посмотрел на мальчика и усмехнулся.

— Ты ещё мал, чтобы раздавать людям окончательные оценки.

— Но ведь вы сами говорите, что он не хотел поступаться достоинством.

— Говорю. А прав ли он был во всём, этого я тебе не скажу. Человек может быть храбрым и всё же ошибаться. Может быть правым в одном и несправедливым в другом.

Павле одобрительно кивнул, а Гулкан, продолжая убирать со стола, добавила:

— Зато о нём до сих пор рассказывают. Значит, не всё в его жизни прошло бесследно.

Путник не стал спорить. Он только подвинул к очагу ноги и некоторое время смотрел на огонь.

Лука запомнил этот вечер не столько из-за самого рассказа, сколько из-за того, что услышал разные суждения об одном человеке. Раньше ему казалось, что всякая история обязательно должна иметь ясное завершение: один герой оказывается хорошим, другой плохим, один поступает правильно, другой ошибается. Теперь он начинал понимать, что человеческая жизнь редко подчиняется такому простому разделению.

В родном доме он получал первые уроки, которых не было в школьных книгах. Их не записывали на доске и не проверяли по окончании недели. Они входили в его сознание постепенно — через материнские песни, отцовские замечания, разговоры гостей и наблюдения за тем, как люди обращаются друг с другом.

Именно здесь складывалось его представление о человеке, который не может быть понят только по одному поступку или одному слову. Возможно, позднее эта способность видеть внутреннюю сложность человеческой природы станет одной из самых сильных сторон его творчества. Но в те годы Лука ещё не думал о литературе. Он просто слушал и запоминал, не подозревая, что однажды многие из этих голосов вернутся к нему уже в образах и строках собственных произведений.

Глава 3. Мальчик, слушавший тишину

Утро в Чаргали начиналось раньше, чем солнце успевало подняться над горными вершинами. Сначала светлела восточная сторона неба, затем на склонах проступали очертания деревьев и камней, а в селении один за другим открывались двери домов. Где-то перекликались женщины, занимавшиеся хозяйством, неподалёку отзывалась собака, и вскоре над крышами начинал подниматься дым.

Лука любил выходить из дома, когда взрослые уже принимались за работу, но селение ещё не успевало наполниться дневным шумом. Он мог долго стоять у тропы, наблюдая, как солнце освещает противоположный склон, как над рекой поднимается пар и как облака медленно меняют очертания. Иногда мальчик отправлялся к воде и садился на большой камень, откуда было видно течение Арагви.

Его привлекал не только шум реки. Он пытался понять, почему вода в одном месте кажется спокойной, а через несколько шагов уже с силой ударяется о камни; почему после дождя поток становится мутным и стремительным, а в ясную погоду снова обретает прозрачность. Взрослые объясняли ему это просто: дождь, горные ручьи, тающий снег. Но самого объяснения было недостаточно. Луку занимало, как всё это соединяется в единую жизнь природы, в которой каждое изменение отзывается где-то ещё.

— Опять сидишь над водой? — однажды спросила его мать, застав, когда он вернулся домой позже обычного.

— Смотрел, как река меняется.

— Она меняется каждый день. Неужели ты ещё не заметил?

— Заметил. Только сегодня она была другой.

Гулкан поставила на стол принесённую посуду и внимательно посмотрела на сына.

— А вчера какой была?

— Вчера она шумела сильнее. Наверное, ночью в горах шёл дождь.

— Может быть. Но если будешь каждый день следить за рекой, тебе придётся стать её сторожем.

— Я бы не отказался, — ответил Лука.

Мать улыбнулась, однако не стала продолжать разговор. Она уже привыкла к тому, что сын замечает вещи, мимо которых другие дети проходят, не задерживаясь.

Впрочем, нельзя было сказать, что Лука жил исключительно наблюдениями. Он играл с другими детьми, бегал по тропам, помогал по дому и, как все мальчишки, порой возвращался с разбитыми коленями и грязной одеждой. Иногда его увлечение окружающим миром становилось причиной вполне обычных домашних неприятностей. Однажды он так долго задержался возле лесной опушки, что не заметил, как прошло время и как мать несколько раз выходила на дорогу посмотреть, не возвращается ли сын.

Когда он наконец появился, Гулкан встретила его не улыбкой, а тревожным вопросом:

— Ты понимаешь, сколько времени прошло?

— Я не заметил.

— А если бы с тобой что-нибудь случилось?

Лука хотел объяснить, что ничего опасного не произошло, но, увидев материнское лицо, замолчал.

— Я смотрел на птицу, — сказал он после небольшой паузы. — Она долго не улетала.

— Птицы не обязаны ждать, пока ты насмотришься на них.

— Я знаю.

— Тогда в следующий раз помни и о тех, кто ждёт тебя дома.

Он обещал быть внимательнее, хотя обещание не всегда помогало ему справиться с любопытством.

Окружающая природа постепенно становилась для него чем-то большим, чем привычная среда обитания. Он различал голоса птиц, знал места, где весной раньше других появлялись цветы, замечал, как меняется запах земли перед дождём. Когда начинался сильный ветер, он прислушивался к тому, как тот проходит по ущелью, ударяется о стены домов и исчезает за дальними склонами. В такие минуты Лука мог надолго замолчать, и окружающим казалось, что он просто задумался.

Но тишина для него никогда не была пустотой. В ней слышались самые разные звуки, каждый из которых словно занимал своё место в большом и сложном мире. Даже человеческая речь воспринималась им иначе, если произносилась в определённой обстановке. Слова, сказанные у очага, отличались от слов, брошенных в гневе на дороге; песня, звучавшая в доме, казалась другой, когда её подхватывали несколько голосов на склоне горы.

Отец не всегда понимал эту склонность сына к долгим наблюдениям. Павле считал, что мальчик должен не только смотреть на мир, но и учиться жить в нём, не уклоняясь от повседневных обязанностей.

— Лука, ты сегодня помогал по хозяйству? — спросил он однажды.

— Я собирался.

— Собирался или помогал?

— Ещё нет.

— Тогда сначала сделай то, что обещал, а потом можешь смотреть на горы сколько угодно.

Мальчик взялся за работу, хотя мысли его ещё долго возвращались к увиденному утром. Он не спорил с отцом и не считал труд чем-то чуждым своим интересам. Напротив, жизнь семьи была для него такой же частью окружающего мира, как река или лес. Просто ему хотелось успеть увидеть всё, что находилось вокруг, прежде чем день закончится.

Особое место в его детстве занимали народные песни. Когда мать пела, Лука не всегда понимал содержание старинных слов, но чувствовал настроение мелодии. В одних песнях слы-

шалась радость, в других — тоска разлуки, в третьих — гордость и вызов. Иногда он просил повторить отдельные строки, а потом пытался сам напевать их, сбиваясь и возвращаясь к началу.

— Ты ведь не просто песню запоминаешь, — заметила однажды Гулкан. — Всё хочешь знать, почему человек именно так поёт.

— А почему?

— Потому что ему есть что сказать.

— А если он не может сказать словами?

Мать на мгновение задумалась.

— Тогда, может быть, и появляется песня.

Лука посмотрел на неё, словно хотел продолжить разговор, но мать уже вернулась к работе. Он остался сидеть рядом, тихо повторяя услышанную мелодию.

В те годы у него ещё не было ни собственного литературного языка, ни осознанного стремления стать поэтом. Он не знал, что такое художественный образ, не размышлял о композиции будущего произведения и не представлял себе читателя, который однажды откроет его книгу. Всё это придёт гораздо позднее. Пока же он учился воспринимать мир не только глазами, но и сердцем, а главное — не торопился давать увиденному готовое название.

Бывали дни, когда горы скрывались за низкими облаками и селение погружалось в серую сырость. Тогда Лука оставался дома, слушал разговоры родителей, перебирал книги и задавал вопросы. В другие дни он уходил на прогулку и возвращался с таким количеством впечатлений, что пытался рассказать о них сразу, перескакивая с одного предмета на другой. Мать терпеливо выслушивала его, а отец иногда останавливал:

— Не спеши. Если хочешь, чтобы тебя поняли, сначала сам разберись, что именно увидел.

Эти слова тоже оставались с ним.

Постепенно Лука начинал понимать, что одного восхищения природой недостаточно. За красотой горной земли существовала трудная человеческая жизнь. Он видел усталость взрослых после работы, слышал разговоры о нехватке средств, замечал, как иногда ссорятся соседи и как долго могут помнить друг другу обиды. Его детский мир не был защищён от страдания, несправедливости или страха. Просто пока он ещё не умел соединить увиденное в единую картину.

Однажды, возвращаясь домой, Лука встретил человека, который сидел у дороги и долго пытался поправить сломавшуюся поклажу. Мальчик остановился и предложил помочь. Работа оказалась труднее, чем он ожидал, и незнакомец сначала отказался, сказав, что справится сам. Но Лука не ушёл. В конце концов они вместе привели поклажу в порядок, после чего путник поблагодарил его и продолжил путь.

Дома мальчик рассказал об этом матери. Она выслушала его и спросила:

— А если бы он не поблагодарил тебя, ты всё равно помог бы?

— Конечно.

— Почему?

Лука пожал плечами, словно вопрос показался ему странным.

— Потому что ему было трудно одному.

Гулкан не стала ничего добавлять. Она только посмотрела на сына с той тихой материнской радостью, которая редко нуждается в словах.

Детство постепенно отступало, уступая место годам, когда любопытство должно было встретиться с необходимостью учиться, читать и самостоятельно искать ответы на вопросы, которые прежде задавались только родителям. Мир за пределами Чаргали уже начинал привлекать Луку, хотя родные горы по-прежнему оставались центром его существования.

Он ещё не знал, что однажды ему придётся покинуть родные места, увидеть другие города, познакомиться с иной культурой и испытать одиночество вдали от дома. Но всё, что он будет открывать в большом мире, неизбежно станет сравнивать с тем, что впервые увидел здесь, среди гор.

И если впоследствии в его произведениях природа будет наделена почти человеческой душой, если ветер, лес и река окажутся не просто фоном событий, а участниками внутренней жизни героев, то истоки этого восприятия следует искать именно в детстве, проведённом в Чаргали.

Глава 4. Первые книги и первые открытия

В тот год Лука всё чаще задерживался возле книг. Прежде они были для него частью домашнего мира: отец читал церковные тексты, мать вспоминала песни и предания, а редкие печатные издания казались чем-то особенным, почти праздничным. Теперь же мальчик начал относиться к чтению иначе. Ему хотелось не просто слушать чужие рассказы, а самому узнавать, что находится за пределами знакомого ущелья, какие люди живут в далёких странах, о чём спорят учёные и почему одни события остаются в памяти поколений, тогда как другие исчезают бесследно.

Павле заметил перемену раньше, чем сын решился заговорить о ней. Однажды вечером он застал Луку над книгой, которую тот держал почти у самого огня, стараясь разобрать мелкие буквы при слабом свете лампы.

— Ты так и собираешься просидеть до полуночи? — спросил отец.

Лука поднял голову.

— Здесь осталось немного.

— Ты уже говорил это полчаса назад.

— Но теперь действительно немного.

Павле подошёл ближе, посмотрел на раскрытые страницы и спросил, понимает ли сын прочитанное. Лука ответил не сразу. Некоторые слова были ему знакомы, другие приходилось перечитывать, а смысл отдельных мест ускользал от него.

— Не всё, — признался он. — Но если перечитывать, становится понятнее.

— Это верно. Только не думай, что прочитанная книга сама по себе делает человека умнее. Надо ещё научиться отличать знание от пустой уверенности.

— А как отличить?

— Время покажет. И люди тоже.

Отец забрал книгу, осторожно закрыл её и положил на стол. Лука посмотрел на него с явным неудовольствием.

— Завтра продолжишь, — сказал Павле. — Глаза у тебя уже устали.

Мальчик хотел возразить, но сдержался. Он понимал, что отец не собирается запрещать ему читать, однако всё равно испытывал досаду, словно у него отняли возможность сделать ещё одно открытие.

Вскоре вопрос об учёбе стал предметом серьёзных разговоров в семье. Для продолжения образования Луку необходимо было покинуть Чаргали. Это означало расходы, дорогу, жизнь вдали от родителей и необходимость привыкать к чужому порядку. В горной семье подобное решение не принимали легкомысленно: каждый отъезд молодого человека менял привычное распределение труда, а надежды на его будущее приходилось сопоставлять с повседневными возможностями семьи.

Первым этапом его образования стало Телавское духовное училище, где Лука учился в детские годы, приблизительно с 1870 по 1877 год. Затем путь привёл его в Тифлис: в 1877–1879 годах он продолжил обучение в двухклассном гражданском училище. Для мальчика из горного селения это были не просто новые учебные заведения, а первые продолжительные разлуки с привычным миром Пшави.

Гулкан тревожилась, хотя старалась не показывать этого сыну. Она понимала, что удерживать его дома только из-за материнского страха было бы несправедливо. Но мысль о том, что Лука окажется среди незнакомых людей, далеко от родных гор, не давала ей покоя.

— Он ещё молод, Павле, — сказала она мужу однажды вечером, когда Лука вышел из комнаты.

— Молод. Но если ждать, пока он станет старым, учиться будет поздно.

— Я не о том. В городе всё иначе. Там никто не станет смотреть, поел ли он, тепло ли одет, есть ли у него деньги на дорогу.

— А здесь мы всегда будем рядом?

Гулкан ничего не ответила. Она знала, что муж прав, и всё же материнская тревога не исчезала от разумных слов.

Когда решение было принято, Лука старался держаться спокойно. Он понимал, что ему предстоит расстаться с привычной жизнью, но ещё не представлял, насколько сильно будет скучать по дому. Перед отъездом он несколько раз обходил знакомые места, задерживался у реки, смотрел на горные склоны и пытался запомнить их такими, какими видел в детстве.

Мать собирала ему необходимые вещи, время от времени откладывая работу, чтобы проверить, всё ли положено в дорожную сумку.

— Не забудь тёплую одежду, — сказала она.

— Я не на край света еду.

— Для матери всякая дорога, по которой уходит сын, длиннее, чем она есть на самом деле.

Лука улыбнулся и обнял её. Он хотел сказать что-нибудь утешительное, но не нашёл подходящих слов.

Павле проводил его до дороги. На прощание отец не стал произносить длинных наставлений. Он лишь напомнил сыну, что учёба требует терпения, а уважение к людям не должно зависеть от их положения.

— Не стыдись того, откуда ты пришёл, — сказал он. — Но и не думай, что одного происхождения достаточно, чтобы заслужить уважение.

Лука кивнул. Затем повернулся и пошёл по дороге, стараясь не оглядываться слишком часто. Однако, когда тропа сделала поворот, он всё-таки посмотрел назад. Отец ещё стоял на прежнем месте, и за его плечом поднимались горы, которые мальчик знал с самого детства.

Впервые Лука почувствовал, что расстояние между человеком и домом измеряется не только дорогой.

Учёба открыла перед ним совершенно иной мир. Здесь требовалось не просто запоминать услышанное, но сопоставлять, рассуждать, отвечать на вопросы и признавать, когда чего-то не знаешь. Встречались преподаватели, которые умели заинтересовать ученика одним замечанием, и такие, чьи уроки превращались в монотонное перечисление сведений. Лука довольно быстро научился различать одно и другое.

Он не всегда был самым удобным учеником. Если объяснение казалось ему неполным, он мог задать вопрос, который сбивал учителя с привычного хода занятия. Иногда это вызывало раздражение, иногда — улыбку. Но постепенно некоторые преподаватели стали замечать, что за его упрямством скрывается не желание спорить ради спора, а искреннее стремление понять предмет.

Особенно его занимали литература и история. В книгах он встречал людей, живших в других странах и столетиях, но их переживания казались удивительно знакомыми. Они любили, страдали, боялись потерять близких, защищали честь и порой совершали поступки, которых сами не могли до конца объяснить. Лука всё чаще задумывался над тем, почему человек, обладающий властью и силой, иногда оказывается слабее того, кто не имеет ничего, кроме собственного убеждения.

Однажды после урока он задержался, чтобы поговорить с преподавателем.

— Вы считаете, что человек должен всегда следовать законам своего времени? — спросил Лука.

Преподаватель посмотрел на него с интересом.

— А ты сам как думаешь?

— Не знаю. Но ведь закон тоже может быть несправедливым.

— Может. Только кто тогда решает, что справедливо?

— Наверное, совесть человека.

— Совесть — вещь необходимая, молодой человек. Но она не освобождает от необходимости думать.

Лука вышел из класса, продолжая мысленно спорить с услышанным. Ему понравилось, что преподаватель не отмахнулся от вопроса, но ещё больше его занимало то, что окончательного ответа он не получил.

Книги постепенно становились для него не собранием готовых истин, а пространством, в котором можно было встретить чужую мысль, согласиться с ней или оспорить её. Он читал, сравнивал, возвращался к уже знакомым произведениям и обнаруживал, что прежнее понимание не всегда выдерживает повторную встречу с текстом.

Иногда, оставшись один, Лука пробовал записывать собственные мысли. Это были ещё не зрелые литературные произведения, а скорее попытки выразить то, что накопилось в душе. Он мог начать с описания горного утра, затем перейти к воспоминанию о матери, а закончить вопросом о человеческой судьбе. Написанное не всегда его удовлетворяло, и некоторые листы он без сожаления откладывал в сторону. Но сама потребность записывать увиденное и пережитое становилась всё настойчивее.

Однажды знакомый по учёбе юноша, заметив его записи, спросил:

— Ты собираешься стать писателем?

Лука пожал плечами.

— Пока не знаю.

— Тогда зачем пишешь?

— А ты всегда знаешь, зачем начинаешь то, что тебе интересно?

Товарищ рассмеялся.

— Нет. Но я хотя бы не делаю вид, что занимаюсь серьёзным делом.

— А кто сказал, что я делаю вид?

Они ещё немного поспорили, а потом вместе отправились по своим делам. Лука не обиделся на насмешку. Он уже понимал, что далеко не каждый человек обязан разделять его интересы, но и отказываться от них только ради чужого одобрения не собирался.

С годами учёба всё сильнее меняла его внутренний мир. Он узнавал новые идеи, знакомился с литературой, расширял круг общения и постепенно начинал смотреть на родные обычаи не только глазами человека, который вырос внутри них, но и глазами того, кто способен сравнивать. Это не означало, что он отвергал свою землю или традиции предков. Напротив, чем больше он узнавал, тем яснее понимал, насколько сложен мир, в котором родился.

Но вместе с расширением кругозора появлялось и другое чувство — желание вернуться домой. Воспоминания о Чаргали уже не были просто привычной частью повседневности. Они становились внутренней опорой, к которой Лука мысленно обращался в минуты сомнения.

Он ещё не знал, что однажды ему предстоит уехать гораздо дальше, чем можно было представить в юности. Но первый шаг уже был сделан: дорога из родного селения открыла перед ним мир, в котором предстояло не только учиться, но и искать собственное место.

Глава 5. Дорога из Пшави в большой мир

Лука уже знал, что дорога из родных мест может увести человека гораздо дальше, чем он способен представить, стоя на пороге родительского дома. Но одно дело — услышать об

этом от взрослых, и совсем другое — самому оказаться среди незнакомых людей, в городе, где никто не знает твоей семьи, не помнит твоего детства и не собирается интересоваться тем, откуда ты приехал.

Первым большим испытанием для него стало привыкание к городской жизни. После простора Пшави Тифлис казался огромным и шумным. Здесь улицы были заполнены экипажами, торговцами, ремесленниками и прохожими, говорившими на разных языках. Из открытых дверей мастерских доносились голоса, возле лавок спорили покупатели, а на перекрёстках постоянно кто-нибудь куда-то торопился. Город жил так, словно у каждого человека имелось собственное важное дело, которое нельзя было отложить ни на минуту.

Лука поначалу наблюдал за всем с любопытством приезжего, который старается не показать своего удивления. Он замечал необычные вывески, прислушивался к разговорам, разглядывал одежду прохожих и иногда останавливался возле книжных лавок, где за стеклом лежали издания, каких он прежде не видел.

Однажды он задержался возле витрины так надолго, что продавец, заметив молодого горца, вышел на порог.

— Ищешь что-нибудь определённое?

— Пока нет. Просто смотрю.

— Книги покупают не для того, чтобы смотреть на них через стекло.

Лука усмехнулся.

— А если денег пока хватает только на то, чтобы смотреть?

Продавец рассмеялся и, немного помедлив, пригласил его внутрь. В лавке пахло бумагой, кожей переплётов и пылью. Лука осторожно взял одну из книг, полистал её и прочёл несколько строк.

— Ты учишься? — спросил торговец.

— Да.

— Тогда выбирай не по красивой обложке. Возьми ту, которую действительно будешь читать.

— А если хочется прочитать сразу всё?

— Значит, денег тебе понадобится больше, чем у меня есть книг.

Они улыбнулись друг другу. Лука ушёл, не купив ничего, но этот короткий разговор запомнился ему. В городе даже простая покупка могла превратиться в небольшое испытание, потому что за каждым желанием стояла необходимость считать деньги.

Он постепенно привыкал к новым порядкам, однако тоска по дому временами настигала его совершенно неожиданно. Достаточно было услышать знакомую интонацию в речи прохожего или увидеть на базаре человека в горской одежде, чтобы перед глазами возникали Чаргали, родительский двор и мать, хлопочущая возле очага.

Однажды Лука встретил на улице пожилого грузина, который нёс корзину с продуктами. По его речи юноша сразу понял, что тот приехал из горных мест.

— Из Пшави будете? — спросил Лука.

Старик внимательно посмотрел на него.

— А ты откуда знаешь?

— По говору догадался.

— Значит, сам оттуда?

— Из Чаргали.

Старик оживился и принялся расспрашивать о знакомых селениях, дорогах и людях. Разговор продолжался недолго, но Лука почувствовал необыкновенное облегчение. Впервые за долгое время он встретил человека, которому не требовалось объяснять, что значит жить среди гор, где каждый поворот дороги знаком с детства, а возвращение домой начинается ещё задолго до того, как путник увидит родное селение.

— Береги себя, парень, — сказал старик на прощание. — Город большой, но не всякий большой человек становится от этого лучше.

Лука поблагодарил его и пошёл дальше, думая о том, насколько по-разному люди понимают достоинство и успех.

Однако городские впечатления были лишь частью его взросления. Учёба постепенно становилась всё серьёзнее, а вместе с ней расширялся круг людей, с которыми ему приходилось общаться. Среди товарищей встречались юноши из обеспеченных семей, которые могли позволить себе книги, одежду и развлечения, недоступные другим. Лука не завидовал им, но иногда остро ощущал разницу между собственными возможностями и их положением.

Особенно неприятно ему было, когда кто-нибудь пытался судить о человеке по одежде или происхождению.

Однажды во время разговора один из учеников заметил:

— Ты всё время говоришь о своих горах. Неужели там действительно есть что-то особенное?

— А ты там бывал? — спросил Лука.

— Нет. Зачем?

— Тогда откуда знаешь, что там нет ничего особенного?

— Я же не говорю, что там ничего нет. Просто в городе больше возможностей.

— Возможно. Но возможности ещё не означают, что человек умеет ими воспользоваться.

Собеседник пожал плечами, не желая продолжать спор. Лука тоже отвернулся, однако внутри у него осталось неприятное чувство. Он не хотел защищать родину пустыми словами, но и позволять кому-либо говорить о ней с пренебрежением не собирался.

Впоследствии ему не раз придётся сталкиваться с подобным отношением, и всякий раз он будет вспоминать не только красоту родных мест, но и людей, среди которых вырос. Для него Пшави никогда не станет просто географическим названием. Это будет целый мир, в котором человеческая жизнь подчинена особым законам, а достоинство человека проверяется не богатством и не образованностью, а поступками.

Учебные годы не были для Луки непрерывным восхождением. После Телавского духовного училища он учился в Тифлисском двухклассном гражданском училище в 1877–1879 годах, а затем поступил в Горийскую учительскую семинарию. Там перед ним открылся уже иной круг интеллектуальной жизни. Гори был меньше Тифлиса, но и здесь молодой человек оказался среди людей, которые стремились понять происходившие в обществе перемены.

Семинарская жизнь требовала дисциплины. Занятия, подготовка, чтение и повседневные обязанности оставляли не так много свободного времени, как хотелось бы. Но именно здесь Лука встретил людей, разговоры с которыми выходили далеко за пределы учебной программы. Его интересовали общественные вопросы, положение крестьян, судьба грузинского языка и литературы, отношения между человеком и властью.

В один из вечеров несколько молодых людей собрались после занятий в комнате товарища. На столе стояли чайник и чашки, возле стены лежали книги, а разговор, начавшийся с обсуждения прочитанного, постепенно перешёл к положению простого народа.

— Мы слишком много рассуждаем о народе, — сказал один из юношей. — А сам народ даже не знает, что мы здесь о нём говорим.

— Так, может быть, дело в том, что мы плохо знаем его жизнь? — возразил Лука.

— А разве ты не знаешь?

— Я вырос среди крестьян. Но это ещё не значит, что я понимаю всё, что происходит вокруг.

— Тогда что ты предлагаешь?

Лука некоторое время молчал.

— Сначала надо научиться слушать людей. Не только тех, кто умеет говорить красиво, но и тех, у кого нет времени объяснять свою беду.

Его слова вызвали спор. Одни соглашались, другие считали, что перемены требуют прежде всего политической организации и решительных действий. Лука слушал внимательно, иногда вмешивался, но не спешил принимать чужие убеждения только потому, что они звучали убедительно.

Именно в Гори он сблизился с кругом грузинских народников, в котором обсуждались вопросы общественного устройства, просвещения и положения простого народа. Общение с этими людьми расширяло его представления о жизни, но одновременно заставляло внимательнее относиться к собственным убеждениям. Он не хотел становиться последователем какой-либо идеи лишь потому, что её поддерживали образованные и уважаемые люди. Ему необходимо было проверить её на опыте, сопоставить с тем, что он видел и знал.

Порой эти споры продолжались до позднего вечера. Кто-нибудь горячился, повышал голос, обвинял собеседника в непоследовательности. Лука мог вспылить, если чувствовал, что разговор превращается в соревнование самолюбий, но обычно старался вернуться к существу вопроса.

— Ты слишком упрям, Разикашвили, — заметил однажды один из товарищей.

— А ты слишком уверен, что уже нашёл ответ.

— Разве плохо быть уверенным?

— Плохо, если уверенность появляется раньше, чем понимание.

Товарищ рассмеялся, однако спорить не стал.

Время, проведённое в Гори, оказалось для Луки важным не только благодаря учёбе. Здесь он получил возможность увидеть, как образованные люди обсуждают судьбу страны, как сталкиваются разные взгляды и как трудно бывает превратить хорошие намерения в реальные поступки. Он постепенно убеждался, что справедливость нельзя построить одними красивыми словами, а любовь к народу не должна превращаться в удобное оправдание для тех, кто сам не готов разделить его трудности.

В 1882 году Лука окончил Горийскую учительскую семинарию. Впереди его ждала работа, которая должна была стать первым самостоятельным испытанием взрослой жизни. Он покидал учебное заведение уже не тем юношей, который когда-то с тревогой смотрел на незнакомые улицы Тифлиса. За эти годы он приобрёл знания, познакомился с людьми разных убеждений и научился не принимать на веру всё, что казалось убедительным при первом знакомстве.

После окончания семинарии Лука около года учительствовал в Толадсофели, в местности Эрцо. Эта первая самостоятельная работа стала для него важным продолжением образования: теперь он должен был не только усваивать знания, но и передавать их другим, сталкиваясь с повседневными нуждами сельской жизни.

Но важнее было другое: он всё яснее понимал, что его собственная дорога не может ограничиваться только личным благополучием. Ему хотелось быть полезным людям, среди которых он вырос, и найти способ выразить то, что не давало ему покоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.